

С.А. Шабалина

**Из истории изучения влияния материнской депривации
на жизнедеятельность детей**

УДК 159.922.767

В данной статье мы проведём краткий исторический экскурс по вопросам изучения материнской депривации в нашей стране и за рубежом. Проследим, как влияет воспитание ребёнка в условиях отсутствия (дефицита) материнской любви и заботы на формирование личности ребёнка.

Ключевые слова: материнская депривация, семейное воспитание, психическое развитие детей, психическое и соматическое расстройство, чувство любви и привязанности.

S.A. Shabalina

Motherly Deprivation and Its Role in Children's Life: Out of Studies

In the suggested article we will observe in brief the history of motherly deprivation study in our country and abroad. We will watch how the upbringing of children in orphan-houses influences the personality and character of a child.

Keywords: motherly deprivation, family bringing-up (raising a family), psychic development of children, psychic and somatic disturbance, sense of affection and devotion.

В настоящее время, в начале XXI века, становится почти банальным, но от того не менее значимым тезис отечественных и зарубежных учёных о том, что надо любить детей, о ничем не заменимой значимости связей между матерью и ребёнком, о важности их эмоционального контакта. В противном случае у детей возникает материнская депривация, которая накладывает отпечаток на дальнейшее формирование личности ребёнка. Однако некоторые социокультурные данные позволяют думать, что не всегда так было и, возможно, не всегда так будет.

Важно указать на то, что в науках, заинтересованных проблемой депривации и оказанием помощи детям, находящимся в условиях дефицита (отсутствия) материнской любви и заботы, само понятие «депривация» стало использоваться сравнительно недавно – в 20-е годы XX века. Войны, революции и социально-экономические проблемы XX века способствовали пересмотру основных вопросов воспитания детей. Общество, пережив множество трагедий, узнав о миллионах страдающих, обездоленных детей, усилило интерес к проблемам общения, уникальности человеческой личности, семейного воспитания, значения матери для ребёнка.

Идеогенез проблемы депривации заключается в изменении понятийного аппарата – от специального понятия «госпитализм», который ввёл в 20-е гг. XX века (после трагических событий – революции 1917-го года и Гражданской войны) Н.М. Щелованов, исследовавший детей дошкольного возраста, находящихся в условиях материнской и социальной депривации: в домах ребёнка, больницах, закрытых центрах – до более широкого понятия «депривация». Научное исследование детского госпитализма началось в Венской школе психологии в тридцатые годы прошлого столетия. С помощью «бэби-тестов», разработанных Ш. Бюллером, оценивалось психическое развитие детей из детских учреждений разного типа.

Так, в работе Х. Дарфи и К. Уолф (1934) в качестве «независимых переменных» использовались:

- 1) уровень гигиенического ухода, типичный для данного учреждения;
- 2) характер стимуляции, которой обеспечивались дети (количество и качество доступных игрушек, возможности свободного передвижения для детей);

- 3) человек, который заботился о ребёнке.

Изучались следующие вариации:

- а) мать ребёнка (преимущественно это были незамужние и малообразованные женщины);

- б) мать другого ребёнка;

- в) медсестра.

Х. Дарфи и К. Уолф (1934 г.) удалось в достаточной степени изолировать влияние каждого из перечисленных факторов на развитие детей и сделать следующие *выводы*:

- 1) наибольшее значение для развития ребёнка имеет тип аффективной заботы о нём;

- 2) материнский уход имеет бесспорное преимущество перед уходом хорошо обученного персонала;

- 3) оптимальным для развития ребенка является сочетание материнской заботы и профессионального ухода.

Работы Венской школы по изучению причин психического госпитализма были прерваны Второй мировой войной. В середине 40-х гг. XX века Р. Шпитц продолжил изучение детей, потерявших в годы войны родителей и оказавшихся в больницах или детских домах [7, с. 56, с. 263–265], используя тот же принцип варьирования внешних условий (прежде всего, варьирования типа заботы о ребёнке), что и в Венской школе. Р. Шпитц, однако, являясь представителем психоаналитического направления, значительно углубил научное представление о психическом госпитализме, определяя его как совокупность психических и соматических расстройств, обусловленных длительным пребыванием человека в лечебном учрежде-

нии в отрыве от близких людей и дома [7, с. 56], подробно описал его формы и патогенез.

К симптомам госпитализма у детей Р. Шпитц относил в первую очередь следующие:

- замедление психического и физического развития;
- отставание в развитии речи;
- пониженный уровень адаптации к окружению;
- слабая сопротивляемость к инфекциям и т. д.

В качестве основной причины этого явления он видел разлуку с матерью. Последствия госпитализма у детей, по его мнению, являются долговременными и часто необратимыми. Современные исследования также показывают, что в закрытых детских учреждениях депривация прослеживается сразу по многим направлениям.

Возрастные рамки исследований по проблеме депривации в первой половине XX века были ограничены детским возрастом (от рождения до 6-7 лет), поскольку он наиболее сензитивен к ограничениям и лишениям.

В начале 60-х гг. в Женеве состоялся международный симпозиум по проблемам развития, которому суждено было занять совершенно особое место в истории психологии и педагогики, поскольку впервые проблема развития решалась на нём объединёнными усилиями педагогов, психологов, биологов, психиатров, этологов (специалистов по поведению животных), социальных антропологов, этнографов, электрофизиологов.

Огромный интерес вызвал доклад американской исследовательницы Маргарет Мид о том, как растут дети на Самоа, в племенах, сохранивших первобытную культуру. Этот доклад опроверг сложившиеся в современной культуре представления о детстве как внеисторической, в равной мере присущей разным культурам категории [5].

Обратимся к работам М. Мид с точки зрения интересующей нас проблемы взаимоотношений матери и ребёнка. Вот как исследователь описывает момент рождения и самые первые контакты матери с ребёнком в этих племенах: «Дням рождения не придают значения на Самоа. Но появление на свет ребёнка, как таковое, в семье высокого ранга предполагает устройство большого праздника и значительные расходы... Во время самих родов может присутствовать мать или сестра отца. Они заботятся о ребёнке, а повитуха и родственники женщины ухаживают за самой роженицей. Сами роды – отнюдь не интимное дело. Приличия требуют, чтобы роженица не корчилась от боли, не кричала, никак не возражала против присутствия 20 или 30 людей в доме, которые, если надо, будут сидеть около неё сутками, смеяться, шутить, развлекаться... Повитуха перерезает пуповину новым бамбуковым ножом, а затем все нетерпеливо ждут, когда

выйдет послед – сигнал к началу празднества... Затем гости расходятся по домам, мать поднимается с постели и приступает к своим обычным делам, а ребёнок вообще перестаёт вызывать большой интерес у кого бы то ни было» [5, с. 56–57].

Мать довольно долго (до 2–3 лет) кормит своего ребёнка, спит с ним вместе, при этом не мать воспитывает своё дитя, а другой ребёнок, чуть постарше, обычно девочка 6–7 лет. Причём именно между этой девочкой и младенцем возникают наиболее эмоционально насыщенные связи. «Первые проявления материнских инстинктов девочки никогда не изливаются на её собственных детей, только на кого-нибудь из её младших родственников... младшее поколение, в свою очередь, изливает своё материнское тепло на тех, кто ещё младше, не обнаруживая при этом особой привязанности к воспитателям и взрослым» [4, с. 112]. При этом, как отмечает М. Мид, ни одна мать на Самоа не станет утруждать себя заботой о воспитании своего младшего ребёнка, если есть какой-нибудь ребёнок постарше, на которого можно эту ответственность возложить.

Благодаря исследованиям М. Мид, мы видим, что в племенах на острове Самоа те необходимые для развития ребёнка социальные и эмоциональные связи, которые в европейской культуре замкнуты в диаде «мать – ребёнок», реализуются совершенно иначе – через связи старших и младших детей, вообще через участие всех членов рода в воспитании детей. Ребёнок при этом не обделён заботой, эмоциональным теплом и защитой, но всё это встроено в принципиально иную систему.

В своей книге «Дети без семьи: (Детский дом: заботы и тревоги общества)» А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых описывают интересные исследования процесса формирования чувства любви и привязанности, которые проводил в 50-е гг. XX века американский учёный Х. Харлоу, экспериментировавший на макаках-резус [5, с. 74–79]. Х. Харлоу придумал варианты заменителей настоящих обезьян-матерей для изучения природы любви. Суть его опытов заключалась в следующем: новорожденную обезьянку отделяли от матери и помещали в клетку, в которой уже находились два заменителя матери-обезьянки. У одной такой матери-заменителя тело было из проволочной сетки, зато через соску она могла кормить детёныша; вторая не могла кормить, но тело её из мягкой, мохнатой материи было мягким, тёплым и приятным на ощупь – в науку она так и вошла под названием «мягкая мама». Х. Харлоу интересовало, какая же мать лучше – кормящая, но холодная или не кормящая, но тёплая. Наблюдения показали, что маленькая макака ежедневно проводила до 17–18 часов на «мягкой маме», подходя к проволочной только для того, чтобы поесть, и, утолив голод, немедленно возвращалась к «мягкой маме», забиралась на неё точно так же, как это делают все обезьянки со своими обыч-

ными живыми матерями. Х. Харлоу объясняет это тем, что «мягкая мама» обеспечивает ребёнку эмоциональный комфорт, имеющий чрезвычайно большое значение в формировании чувства любви и привязанности.

Эксперименты Харлоу отчётливо выявили, что в формировании этого чувства неизмеримо большее значение имеет телесный контакт (теплота, возможность прижаться, ласка), чем удовлетворение такой базовой натуральной потребности, как голод. В своём исследовании Харлоу доказывает, что именно к «мягкой», а не к выкормившей их матери сохраняют на всю жизнь привязанность макаки. Харлоу описывает, что через несколько лет, в течение которых обезьянки не видели своих матерей-заменителей и даже не подавали никаких признаков того, что помнят или испытывают потребность в них, в клетку к уже взрослому животному подкладывали «мягкую маму», это производило на животное громадное впечатление: обезьянка зажимала бывшую маму у себя под мышкой, всюду носила её с собой и яростно отбивалась от всех попыток отобрать «маму». Когда всё-таки это удалось сделать, обезьянка объявила голодовку и не принимала пищу до тех пор, пока «мягкая мама» не была ей возвращена. На основании полученных данных американский учёный делает вывод о чрезвычайной устойчивости ранних связей. Согласно Х. Харлоу, первое чувство, которое проявляется в жизни живого существа, – любовь к матери и полноценное развитие ребёнка может осуществляться только в контакте с матерью.

Любовь к «маме Харлоу» позволяет понять и ту привязанность, которую почти все дети испытывают к мягким, пушистым, большим игрушкам. Многие, особенно в возрасте 1,5–2 лет, не могут заснуть без любимой игрушки. Специалисты полагают, что для нормального развития ребёнка мягкая игрушка совершенно необходима. Она необходима втрое для тех детей, которые воспитываются без матери в домах ребёнка.

Можно провести прямую параллель между описанным поведением обезьянок и поведением маленьких детей. Х. Рейнгольд и Э. Экерман провели следующее исследование с детьми от 0,5 до 5 лет и их матерями. Учёные наблюдали поведение детей, находившихся вместе с мамами на большой лужайке, измеряя расстояние, на которое ребёнок отдалялся от матери, и установили, что с возрастом оно постепенно увеличивается примерно на 30 см в месяц. Все дети, начиная с десятимесячного возраста, отползали от матери. Они могли забираться в такие места, откуда мать не была видна, будучи при этом довольными и спокойными, но они постоянно возвращались к матери как к «базе уверенности». По мнению исследователей, возможность отдаляться от матери возникает параллельно с тем, как крепнет связь с ней.

Чехословацкая исследовательница М. Дамборска сравнивала детей из интернатных учреждений в возрасте 6–10 месяцев и их сверстников из семьи. Она давала детям новые, незнакомые игрушки, помещала малышей в новую, непривычную для них ситуацию. Оказалось, что дети из сиротских учреждений в 7 раз чаще испытывали страх, чем семейные. Особенно страшила их новая игрушка.

Эти данные интересно сопоставить с результатами, полученными польским психологом М. Сусловской, которая изучала познавательные реакции на новые раздражители у детей дошкольного возраста. Она, в частности, выяснила, что у детей, реагирующих на новизну чувством страха, слабее выражены ориентировочные реакции, а познание нового протекает с большими трудностями.

Известно, что познавательная активность детей-дошкольников ярче всего проявляется в игре, поэтому неслучайно, что боязливые дети, дети со страхами характеризуются нарушениями игровой деятельности. Об этом, в частности, свидетельствуют данные советского психолога А.С. Спиваковской.

Рассматривая многие причины неразвитости игровой деятельности у воспитанников детского дома, необходимо помнить ту, которую подсказывает «мама Харлоу»: для того, чтобы играть, ребёнку необходимо одно глобальное условие – рядом должна быть мать, возможность контактов с которой позволяет ребёнку при столкновении с новым и неизвестным испытывать не ужас, тревогу и страх, а интерес и любопытство, не тормозить, а развивать активность.

Наиболее распространённая интерпретация вышеизложенных фактов – представление о формирующемся на ранних этапах онтогенеза чувстве базового доверия к миру, основывающемся на теплоте и постоянстве материнской заботы. Это представление, в частности, входит в теорию развития личности, разработанную крупнейшим специалистом в данной области – американским психологом Э. Эриксоном. «Первое социальное достижение ребёнка, – пишет он, – заключается в его непротивлении тому, что мать скрывается из виду, причём без чрезмерной тревоги и гнева ребёнка, так как мать уже превратилась в его внутреннюю уверенность, так же как во внешнюю представляемость». Отсутствие базового доверия к миру и рассматривается многими исследователями как самое первое, самое тяжёлое и самое трудно компенсируемое последствие материнской депривации. Оно порождает страх, агрессивность, недоверие к другим людям и к самому себе.

Проблему эволюции детско-родительских отношений подробно рассматривает в своей книге «Ребёнок и общество» известный советский социолог И.С. Кон. Он, в частности, анализирует интересную и наделавшую

много шума работу французской исследовательницы Э. Бадинтер, которая проследила развитие материнской любви на протяжении четырёх веков французской истории – с XVII по XX век. По мнению Бадинтер, вплоть до конца XVII века материнская любовь была социально случайным явлением. Однако с середины XVIII века, особенно после появления книги Ж.Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1792), которую считают одной из причин изменения отношения общества к материнской любви, последняя превращается в признанную культурную ценность. Постепенно в обществе начинает увеличиваться объём заботы о детях, возникает педиатрия как специальный раздел медицины, и ребёнок становится центром семьи. При этом главная ответственность за него возлагается на мать. Если раньше передача ребёнка кормилице, воспитание его другими людьми или даже передача его в интернат воспринимались как абсолютно естественные, то с конца XVIII века матери совершенно по-другому начинают относиться к своим детям. Не любить детей становится стыдно [5, с. 58].

На основании своего исследования Э. Бадинтер пришла к следующему выводу: «... материнский инстинкт – это миф. Мы не обнаружили никакого всеобщего и необходимого поведения матери. Напротив, мы констатировали чрезвычайную изменчивость её чувств в зависимости от её культуры, амбиций или фрустраций. Материнская любовь может существовать или не существовать, появляться или исчезать, быть сильной или слабой, избирательной или всеобщей. Всё зависит от матери, от её истории и от Истории...» [2, с. 227].

А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых отметили, что книга Э. Бадинтер вызвала широкую полемику, потому что выводы её оказались для современного человека шокирующими, настолько сегодня в обществе укоренилось и стало безусловным представление о материнстве, о ребёнке, о детстве как о высших ценностях. Многие учёные говорят в этой связи о «детоцентризме» как существенной характеристике современной культуры. Но некоторые приходят к выводу, что детоцентризм также исторически преходящ, как предшествовавшие ему центрации на зрелом человеке или, ещё ранее, на старике [5, с. 59].

В подтверждение этой мысли можно обратиться к приводимым И.С. Коном словам известного французского исследователя Ф. Ариеса: «Похоже на то, что наше общество перестаёт быть «детоцентрическим», каким оно стало только с XVIII века. Это значит, что ребёнок, к добру или худу, утрачивает свою запоздалую и, может быть, чрезмерную монополию и занимает менее привилегированное место. XVIII – XIX века заканчиваются на наших глазах» [2, с. 228-229].

Мы не согласимся с точкой зрения Ф. Ариеса, так как и в XXI веке любовь, забота, ласка матери по отношению к своему ребёнку являются

необходимым условием формирования гармонически развитой личности, в противном случае возникает материнская депривация. Находясь в условиях материнской депривации, развитие ребёнка идёт по особому пути, у него формируются специфические черты характера, поведения, особенно психоневрологической сферы, про которые часто нельзя сказать, хуже они или лучше, чем у обычного ребёнка, – они просто другие.

Итак, в XX веке человечество прошло огромный путь в познании роли матери в развитии человека и последствий материнской депривации для становления гармонически развитой личности. С развитием исследований в этой области люди всё дальше уходят как от примитивных биологизаторских представлений о генетически заложенных программах детско-родительского поведения, так и от социологизаторских идей об усвоении общественного опыта путём писания любых текстов на «чистой доске» – детской психике. И всё более хрупкой открывается исследователям тонкая материя взаимоотношений матери и ребёнка. И тем сложнее представляется путь воспитания несчастных детей, которые в силу ряда обстоятельств воспитываются в условиях дефицита (отсутствия) материнской любви и заботы.

-
1. Алексеенкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации: учебное пособие. СПб.: Питер, 2009. 96 с. (серия «Учебное пособие»).
 2. Кон И.С. Ребёнок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.
 3. Матейчик З., Лангмейер Й. Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 2006. 340 с.
 4. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
 5. Прихожан А. М., Толстых Н.Н. Дети без семьи: (Детский дом: заботы и тревоги общества). М.: Педагогика, 1990. 160 с.
 6. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Психология депривированного ребёнка: пособие для психологов и педагогов. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2007. 246 с.
 7. Шпиц Р.А., Коблинер В.Г. Первый год жизни. Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений. М., 2000.